К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ САМАНИДОВ*

KAMOLİDDİN, Şamsiddin/КАМОЛИДДИН, Шамсиддин
ÖZBEKİSTAN/UZBEKİSTAN/УЗБЕКИСТАН

В средневековой истории Средней Азии, как известно, особое место принадлежит династии Саманидов, многочисленные представители которой в течение IX-X вв. правили в столичной Бухаре и других городах и областях Хорасана и Мавераннахра. В письменных источниках имеется много сведений о правлении различных представителей династии Саманидов, о политической, экономической и культурной жизни того периода. Однако, о происхождении этой династии сохранились весьма скудные и противоречивые данные. Поэтому определение истинного происхождения династии Саманидов является одним из наиболее актуальных вопросов исторической науки.

Родоначальник династии Саман-худат впервые появился на политической арене в первой четверти VIII в., когда он прибыл из Балха в Мерв к арабскому наместнику Хорасана Асаду ибн ‘Абд Аллаху ал-Кушайри и просил его оказать помощь против своих врагов. Получив от него искомую помощь, Саман-худат принял ислам и назвал своего сына в его честь Асадом. Позднее вместе со своим сыном он принимал участие в движении Абу Муслима в Хорасане. Впоследствии его сын Асад служил при дворе халифа ал-Ма’муна во время его пребывания в Мерве. Внуки Саман-худата, сыновья Асада – Нух, Ахмад, Йахйа и Илйас принимали участие в подавлении восстания под руководством Рафи’ ибн ал-Лайса (190-195/806-810 гг.). За все эти заслуги ал-Ма’мун в 204/819 г. назначил их наместниками в городах Мавераннахра: Нуха – в Самарканде, Ахмада – в Фергане Йахйу – в Шаше и Уструшане, а Илйаса – в Герате (Frye, 1993: 136 - 161; Daniel, 1988: 371-372; Негматов, 1977: 18).

Бахрам Чубин

Большинство источников возводит родословную Саман-худата к Бахраму Чубину (VI в.), поководцу сасанидского *шаханшаха* Хормузда IV (правил в

*Настоящая работа выполнена в результате научных исследований, проведенных автором в Британской библиотеке (The British Library) и библиотеке института востоковедения (The School of Oriental and African Studies) Лондонского университета, благодаря специальному гранту, предоставленному автору в 2004-2005 гг. Кэмбриджским университетом (Великобритания) в рамках программы Комитета по Центральной и Внутренней Азии (The Committee for Central and Inner Asia), за что автор приносит этому университету и его комитету свою искреннюю благодарность.

579-590 гг.) и *марзбану* Армении и Азербайджана, а затем Рея и Хорасана. По некоторым данным, Бахрам Чубин имел тюркское происхождение, и был выходцем из среды тюрков-*огузов*, находившихся на службе у Сасанидов (Ризо, 1955: 152). Известно, что Сасаниды, широко применяли практику привлечения военных сил соседних тюркских племен, так как использование военного потенциала кочевников обеспечивало постоянный контроль над ними. Наместники пограничных областей, большинство которых составляли представители неиранских народов (хионитy, эфталиты, хазары, тюрки, армяне, грузины и др.), носили высокий титул *марзбан*, что означало "защитник границы", и входили в число высшего военного сословия при дворе Сасанидов (Колесников, 1981: 49, 54, 55). Шаханшах Хосров I Ануширвана был женат на дочери верховного тюркского кагана Истеми-кагана, и его наследник на Сасанидском троне принц Хормузд IV был наполовину тюрком, за что был прозван "Туркзаде".

После победы Бахрама Чубина над войсками эфталитов и тюрков в 588 г. Бахрам Чубин убил тюркского кагана и, осадив в крепости Пайканд его сына Ил-тегина (Пармуда), вынудил его сдаться, в результате чего получил огромную добычу. Однако только часть ее он отправил шаханшаху Хормузду, а все остальное присвоил себе. Это вызвало гнев шаханшаха, и последний сместил его с должности. В 590 г. Бахрам Чубин поднял против него восстание в Балхе и, заключив союз с тюрками, включил под свое командование отряды тюркских добровольцев. Двинувшись с объединенным войском в столицу Сасанидов Ктесифон., он вступил в город и провозгласил себя шаханшахом. В следующем 591 г. объединенные войска персов, армян, грузин и византийцев нанесли Бахраму Чубину поражение, после чего он бежал в Фергану к тюркам, где стал другом и советником тюркского кагана Пармуды (Ил-тегина) и женился на его дочери (Shahbazi, 1989: 521; Гумилев, 1960: 229-230).

Таковы вкратце содержащиеся в источниках сведения о жизни и деятельности Бахрама Чубина.

Считается, что второе имя Бахрама Чубина – "Чубин" или "Чубина", означавшее в переводе со средне-персидского "ворона" (Wolf, 1953: 301), было его прозвищем на придворном жаргоне времени шаха Хормузда IV (правил в 576-590 гг.) (Firdousi, vol. 6, p. 654-655). В географическом трактате, переведенном во второй половине VIII в. с тюркского на тибетский язык, среди тюркских племен и народов, населявших в то время Тохаристан, упоминается этноним *гар-рга-пур,* образованный из тюркского слова *гар-рга* (ворона) и персидского *пур* (сын), первое из которых является калькой персидского слова *чубин* (ворона). Так тюрки называли оставшихся жить в Балхе потомков Бахрама Чубина (Гумилев, 1967: 162).

Ворон или ворона является центральным персонажем в мифологиях народов Сибири и индейцев Северной Америки, где он выступает как первопредок, культурный герой и могучий шаман. У древних тюрков Ворон был символом восходящего Солнца, которое наряду с утренним голубым Небом олицетворяло верховное божество Тангри. Изображение Красного Ворона в виде распростершего крылья орла помещено на тиаре древнетюркского принца Кюль-тегина (Зуев, 2002: 24, 226). По данным китайских источников, ворона была родовым тотемом древних тюркоязычных племен *уши*, т.е. *усуней*, называвшихся также *хуннами* (Зуев, 1960: 11-13).

В мифологических представлениях народов Ближнего Востока, Северной Африки, Европы и Индии ворон являлся демоническим персонажем, и олицетворял несчастье и дурное предзнаменование. В Сасанидском Иране образ ворона чаще всего использовался для обозначения враждебных чужеземцев (Мелитинский, 1991: 245). Следует полагать, что имя, обозначающее ворону, могло быть дано такому человеку как Бахрам Чубин только в той среде, в представлениях которой эта птица рассматривалась в качестве положительного героя. Изображение вороны можно встретить на Сасанидских печатях (Frye, 1971, pl. 46, fig. 139; pl. 47, fig. 143), которые принадлежали лицам явно не иранского происхождения.

Можно также предполагать, что прозвище Бахрама Чубина могло отражать его родовую принадлежность к вышеупомянутому племени *кар-рга* (*карга*). Один из предков Бахрама Чубина носил имя Чубин ибн Милад. (Macoudi, t. 2; 213). Следовательно, имя "Чубин" могло быть родовым именем Бахрама Чубина, которое являлось персидской калькой его тюркского ориганала "Карга". Этот же Чубин ибн Милад в других источниках упоминается под именем Каргин (Каркин или Гаргин) ибн Милад (Гардизи, с. 62; Фирдоуси, т. 1: 353, 355, 390, 399, 403, 413; Mustawfi-i Qazwini, vol. 1: 94, 120).

Имя Каркын (Qarqin) было широко распространено среди древних тюрков. Среди средневековых кочевых туркмено-огузских племен упоминается племя (*эль*) по названию Каркын (Кононов, 1958; 68, 72). Предком хакана тюрков Афрасийаба был Турк ибн Йафаса ибн Нуха, которого звали также Каркын (ал-Карши, 63, 101). Одним из легендарных предков тюрков-*огузов* был Каркын, который являлся четвертым сыном Йулдуз-хана, третьего сына Огуз-хана (Рашид ад-дин, 1946, т. 1 (1); 88-89). Согласно преданию, имя Каркын означало "утоляющий голод народа" или "хлебосольный", а его онгоном, т.е. священной птицей, был ястреб или водяной (речной) беркут (*су баркути*) (Рашид ад-дин, 1987: 65-66). Согласно персидским толковым словарям, имя Чубинак также означает "водяная птица" (*мург-и оби*) или "речная птица" (*мург-и дарйоий*) (Ризо, 1955: 150). Представляется, что такое

совпадение значений этих имен (Каркын и Чубинак) не является случайным, и вполне возможно, что второе из них является калькой первого.

Исходя из вышеизложенных данных, нам представляется, что предки Бахрама Чубина имели родственное отношение к одному из тюркских по происхождению племен Средней Азии, онгоном которого была птица – ворона или речной беркут. Это племя могло входить в древности в круг племенного объединения парфян, а затем наряду с хионитами, кидаритами, эфталитами и тюрками, находилось на службе у Сасанидов.

Многие данные указывают на то, что Балх был родиной Бахрама Чубина. С этим городом был связан один из предков Бахрама Чубина по имени Милад. В тибетском документе VIII в. упоминаются потомки Бахрама Чубина, которые проживали в Балхе (Гумилев, 1967: 162). В средние века с именем Бахрама Чубина были связаны некоторые населенные пункты, расположенные в области Балха – селение Чубин (al-Moqaddasi; 347) и Чубинабад (ас-Сам'ани. т. 3: 348). Накануне арабского завоевания Балх был столицей тюркских *йабгу* Тохаристана и здесь находился крупный буддийским культовый центр, сложившийся вокруг храма Наубехар. В источниках нет точных данных относительно религиозной принадлежности Бахрама Чубина. Некоторые данные указывают на то, что Бахрам Чубин не был сторонником ортодоксального зороастризма, хотя и принадлежал к высшему военному сословию Сасанидской империи. В 591 г., т.е. во второй год своего правления, Бахрам Чубин (Варахран VI), чеканил в Абаршахре, Герате и Мерве серебряные драхмы с четким изображением креста рядом с зороастрийскими символами (Колесников, 2005: 114-115). Эти данные могут указывать на то, что Бахрам Чубин относился с симпатией к христианам, что противоречило канонам ортодоксального зороастризма.

В средневековых источниках приводятся весьма противоречивые сведения о характере культа в храме Наубахар. Согласно одним источникам, храм был посвящен культу огня (Бируни, 1963: 66-67; ал-Балхи; 20, 37), а согласно другим – он был буддийским монастырем (Ibn al-Fakih; 323-324). Согласно третьим источникам, удельные цари (*мулук ат-тавā'иф*) Балха, исповедовали религию *сабиев* и почитали солнце, луну, огонь и семь звезд (al-Ja'kubi, vol, 1: 179), а храм Наубахар был посвящен культу луны (Macoudi, vol. 5: 6-7). В арабских источниках *сабиями* называли, главным образом, последователей манихеизма. Из этих данных следует, что в эпоху раннего средневековья в храме Наубахар поклонялись не столько Будде, сколько богу Луны (*aj tengri*), т.е. верховному божеству манихеев – Мани, воплощавшем в себе Будду, Зороастра и Иисуса Христа. В Балхе или вблизи от него. несколько столетий (III-VIII вв.) существовала сильная манихейская община. В VI в. здесь был написан один из магических парфяно-манихейских текстов,

отражающих тесные контакты манихеев и буддистов (Ставиский, 1977; 178). Буддизм и манихеизм в Средней и Центральной Азии сосуществовали на протяжении длительного времени, и влияние буддизма на восточную ветвь этой религии было настолько сильным, что в манихейских текстах Мани именовался Буддой или Мани-Буддой (Зуев, 2002: 194, 197).

Эти данные позволяют предполагать, что Бахрам Чубин исповедовал манихеизм, который сочетал в себе элементы буддизма, зороастризма и христианства, а на монетах, чеканенных Бахрамом Чубином, изображен, скорее всего, не христианский, а манихейский крест.

Саман-худат

Одним из важных источников, которые могли бы способствовать успешному решению вопроса об истинном происхождении Саман-худата, на наш взгляд, является правильная этимология его имени. Имя Саман-худата связывается с названием селения Саман, которое он основал в области Балха или Термеза. Относительно этимологии этого имени или названия были высказаны различные мнения. В предании о происхождении Саманидов слову *саман* придается значение "благоустройство" (Семенов, 1955: 4). В персидском языке слово *сāмāн* سامان означает "порядок", "налаженность", "благосостояние", "богатство". В пехлевийском языке *sāmān* означает также "граница", "регион" (Dencard; 160, 164). Происхождение имени Саман пытались также связывать со словом *šaman* (Gunaltay, 1938: 77). В тюркской среде это слово является инородным и для понятия *шаман* в тюркских языках использовали слово *kam* или *adanliγ* – "делающий заклинание" (Радлов, т. 1: 463; т. 2; 476, 491). Среди урало-алтайских народов Центральной Азии, Урала и Сибири встречается этноним *саман/шаман/самай/самар*, происхождение которого связывается с южными регионами, откуда он был занесен в их среду в глубокой древности алтайской языковой общности (Василевич, 1965; 139: 145). Алтайские бурханисты сообщают о "людях в белых одеждах", приезжавших на Алтай и призывавших людей верить в единого бога (Зуев, 2002: 186). Следовательно, истоки этого слова следует искать на юге – в Средней Азии, Иране или Индии.

Беруни называет в Средней Азии религиозную общину *аш-шаманиййа*, последователи которой были идолопоклонниками, но испытывали сильную ненависть к брахманам (Бируни, 1963: 66 - 67). Жители Хорасана называли буддистов *шаманийин* или *шаманāн* (мн. ч. от *шаман*) (al-Biruni; 206; Бируни, 1957; 204). Ибн ан-Надим называет *ас-саманиййа* общины буддистов и манихеев (Ibn an-Nadim: 345; Flugel, 1862: 76, 105, 385).

В индийской мифологии *šamana* означает "правитель", а в буддийской традиции *šramana* означает "тот, кто прилагает усилия", что является вторым

звеном в буддийской иерархии. От этого же слова, возможно, происходит и слово *шаман* (Louis, 1977, vol. 8: 41, 344). Этот термин происходит из пракритского (санскрит) слова *šamana* (*šramana*) и означает последователей буддизма (Golden, 1998: 231). В древности и раннем средневековье существовали тесные культурные взаимосвязи между тюрками и индусами, что нашло свое отражение в наличии общих черт в мифологии и верованиях, в частности, в шаманизме и буддизме.

В этой связи представляют интерес данные о родственных связях Бахрама Чубина с тюркским каганом, имевшим местопребывание в Бухаре. Известно, что в конце своей жизни Бахрам Чубин вступил в родственные отношения с тюркским каганом по имени Пармуда (Ил-тегин), который был сыном кагана Савэ-шаха (Тарду-каган, Шир-и Кишвар) и внуком Истами-кагана (Кара Чурин). Тарду-каган был дядей Сасанидского шаханшаха Хормузда IV Туркзаде по материнской линии (Bel'ami, vol. 2; 248; 265; Firdousi, vol. 6; 656-657). Бухарский оазис был владением Шир-и Кишвара, где он правил 20 лет с резиденцией в Байканде. Он построил шахристан Бухары, а также основал в Бухарском оазисе селения Мамастин, Сакматин, Самтин и Фараб (Наршахий; 17). Его сын Пармуда, также правивший в Байканде, основал селения Искиджкат, Шарг, Фарахша и Рамитан. Он был женат на китайской принцессе. Она привезла с собой из Китая храм идолов, который был установлен в Рамитане (Наршахий: 17, 23).

Ил-тегин (Пармуда) был приверженцем буддизма и с ним связывается проникновение буддизма в Бухару (Ставиский, 1960; 115). Второе имя Ил-тегина Пармуда производится от буддийского титула *pramukha*. В 588 г. Ил-тегин был назначен правителем Тохаристана и Гандхары, включенных в состав Тюркского каганата. Китайский путешественник У-кун между 759 – 764 гг. видел среди буддийских святынь Кашмира, основанных в VI – VII вв. тюркскими правителями, храм Ve-li-tele, т.е. Ve-li-tegin или Ил-тегин, который был сыном царя тюрков. Предполагается, что Ил-тегин был также основателем храма Наубахар в Балхе (Chavannes, 1903: 157, 198, 242 - 245; Литвинский, Зеймаль, 1971; 120; Harmatta, Litvinsky, 1996: 371).

Все эти данные, на наш взгляд, имеют важное значение для определения истинного происхождения Саманидов. Из них следует, что, во-первых, Саман-худат был. не зороастрийцем, как сообщают источники (Гардизи: 62). Во-вторых, есть все основания предполагать, что он был потомком Бахрама Чубина от его брака с дочерью тюркского кагана Ил-тегина.

Существует мнение, что верховные каганы Западного Тюркского каганата исповедовали манихеизм. (Кызласов, 2004: 12-16; Зуев, 2002: 188, 192-195, 200 - 203). Если учесть, что Бахрам Чубин происходил из Балха и женился на дочери Ил-тегина (Сава-шаха, Шир-и Кишвара), то можно предполагать,

что он также, скорее всего, был манихеем. Следовательно, их потомки, в том числе и Саман-худат, также были манихеями.

Некоторые данные указывают на то, что Саманиды и тюрки из их окружения хранили память о буддийско-манихейском прошлом своих предков и с симпатией относились как к буддизму, так и зороастризму. Серебряные дирхемы, выпускавшиеся Саманидами в 300 - 351/912-962 гг. в районе Кабула и Газны, содержат изображение быка и всадника (Av), а также индийские надписи на *кхарошти* (Rv), которые читаются как "во имя (бога) Sri Khudavayaka". Другой тип этих монет содержит изображение быка, сидящего бога Sri Khudavayaka (Av) и всадника (Rv) (Mitchiner, 1977: 132).

В музее Института археологии АН РУз в Самарканде хранится медный фельс, чеканенный в 359/969-70 г. в Фергане от имени Саманида ал-Мансура ибн Нуха и его сына Ахмада ибн ал-Мансура саманидским наместником Кылыч ал-Хаджибом Ахмадом ибн ʻАли (Культура и искусство, т. 2: 102). На лицевой стороне этого фельса имеется изображение классической буддийской мандалы (8-лепестковая розетка, вписанная в круг, затем в квадрат и еще один круг), являющейся символом Солнца и Космоса, принятым в северных школах буддизма, таких как Махаяна, Ваджраяна и Тантризм, широко распространенных в средние века в Китае, Тибете, Центральной Азии и Восточном Туркестане (Топоров, 1991: 101). Классическая мандала (санскрит. *mandala*) с 8-лепестковой розеткой в середине, являлась также символом Будды, и ее возникновение приходится на VIII – IX вв., т.е. период формирования буддийской школы Тантризма (Арапов, 2002: 12-16).

Еще одним памятником, указывающим на связи Саманидов с буддизмом, являются символы, изображенные на внешних стенах мавзолея Саманидов в Бухаре. Эти символы представляют собой сложную геометрическую композицию, состоящую из встроенных друг в друга квадратов и круга в середине (Пугаченкова, Ремпель, 1960; 67; Пугаченкова, 1968: 121; Булатов, 1976: 85), и олицетворяет космограмму уменьшающейся и увеличивающейся Вселенной (Булатов, 2005: 36). Точно такие же символы изображены в настенных росписях с сюжетными изображениями буддийских преданий в пещерном комплексе Дуньхуан, который был одним из крупнейших буддийских культовых центров Центральной и Восточной Азии эпохи раннего средневековья (Арапов, 2002: 120-125).

Представляет также интерес планировочная структура самого здания мавзолея Саманидов, которая представляет собой кубический объем, увенчанный полушаром (куполом) и имеющий центрическую композицию – 4 входа с совершенно одинаковыми фасадами (Пугаченкова, 1968: 119). Архитектурный образ его является воплощением космограммы: Квадрат – Круг (Булатов, 2005: 36). Предполагается, что здание мавзолея представляет

собой сабийский храм–обсерваторию, посвященный культу Солнца, из которого велось наблюдение за движением солнца. (Булатов, 1976: 71 - 77; Булатов, 2005; 36).

На панелях из дворца Саманидов на городище Афрасиаб изображены 4-х, 6- и 8-лепестковые розетки, вписанные в круг или 8-угольник (Булатов, 1976, илл. панель А, Б и Г). В орнаменте панелей дворца Саманидов встречается также изображение 8-конечной звезды в форме цветка, вписанного в круг (Пугаченкова, Ремпель, 1965, илл. 104; Булатов, 1976, илл. 57, панель Б). Изображения таких же розеток, многоугольников и звезд обнаружены в декоре стены западной пещеры буддийского комплекса Каратепа в Старом Термезе (I в. н.э.) и в фрагментах резного ганча из парадного зала дворца правителей Термеза VII-VIII вв. (Аллаткина, 2004: 31). Все эти геометрические композиции, на наш взгляд, также можно рассматривать в качестве символов, представляющих разновидности буддийско-манихейской мандалы.

При одном из последних саманидских эмиров Нух ибн Мансур ар-Рида (правил в 365-387/976-997 гг.), который был вторым сыном и наследником вышеупомянутого Мансура ибн Нуха, известный саманидский сановник ‘Амид ад-Даула Фа’ик ал-Хасса выпустил в 368/978-79 г. в Балхе медный фельс, на лицевой стороне которого в поле изображена шестиконечная звезда – гексаграмма, составленная из двух противоположных треугольников, в сочетании с арабскими письменами (www.zeno.ru: #20649). Шестиконечная звезда, вписанная в круг, изображена также на панелях из дворца Саманидов на городище Афрасиаб (Булатов, 1976, илл. 59, панель В и илл. 64, панель Е; Арапов, 2004: 18).

Шестиконечная звезда (гексаграмма), которая известна также как “печать Соломона” или “звезда Давида”, широко использовалась в средние века в иудаизме, христианстве и исламе. Происхождение гексаграммы также связывается с буддизмом и Индией, где этот символ впервые был зафиксирован еще задолго до нашей эры. В тантристском течении буддизма и индуизма гексаграмма является символом классической мандалы, олицетворяющей бога Нару-Нарайану. Углы верхнего и нижнего треугольников, составляющих гексаграмму, олицетворяют шесть лиц бога Шивы и бога Шакти. Можно предполагать, что этот символ был заимствован в религиях Ближнего Востока именно из Индии, где он имел более глубокие корни.. Изображения 6-угольных звезд встречаются в фрагментах резного ганча из парадного зала дворца правителей Термеза VII - VIII вв. (Аллаткина, 2004; 31).

На другом фельсе, выпущенном тем же Фа’иком ал-Хасса в том же 368/978-79 году в Балхе, в поле изображена пятиконечная звезда –

пентаграмма, построенная из линий (www.zeno.ru: #20654). Пятиконечная звезда (пентаграмма) использовалась различными народами всего мира начиная с глубокой древности и была самым распространенным магическим символом. Пентаграмма использовалась также в буддизме и других древних религиях Индии и Китая в качестве одного из символов мандалы. В учении Таоизма она символизирует пять элементов восточной космологии – дерево, металл, землю, огонь и воду.

Таким образом, и этот знак можно рассматривать в качестве одного из символов буддизма а, следовательно, и манихеизма. Появление этих буддийско-манихейских символов на монетах Саманидов могло быть связано с противостоянием и ответной реакцией Саманидов на действия Буидов, которые, захватив в 334/945 г. фактическую власть в Багдаде, объявили себя наследниками Сасанидских царей и стали почитать и возрождать некоторые доисламские и зороастрийские культурные ценности. Саманиды были единственным влиятельным суннитским двором, способным оказать поддержку Аббасидским халифам, которые обратились к ним за помощью против шиитских Буидов, захвативших власть в Багдаде и во всей центральной части Арабского халифата.

Согласно Махмуду ибн Вали, Саманиды имели общее происхождение с Бармакидами и относились к потомкам некоего Джабба-хана (Махмуд ибн Мир Вали; 315a, 317a), который относился к династии тюркских *йабгу* Тохаристана (Togan, 1969: 282). Источником сведений Махмуда ибн Вали были недошедшие до нас сочинения Абу Зайда ал-Балхи (IX в.) и Абу-л-Касима Исхака ас-Самарканди (ум. в 343/954-55 г.) (Togan, 1964: 61). По данным Фаза'ил-и Балх (XII в.), в доисламское время родовое владение Бармакидов, которые были основателями храма Наубахар, находилось в местности Джабба-хан, расположенной на западной окраине Балха (ал-Балхи; 19, 37).

Имя-титул Джаббахан (**جباخان**) является более поздним вариантом написания тюркского титула *йабгу* или *джабгу-каган* (Bosworth, Clauson, 1965: 9 – 10; Togan, 1969; 282). Это же имя с различными вариантами чтений[1] приводится в средневековых источниках в качестве имени отца Саман-худата.

В средние века в народной памяти сохранились предания о тюркском происхождении Саман-худата. Так, Саман-худат, упоминается среди легендарных предков древних тюрков-*огузов*, правивших в Мавераннахре. Он называется как Благородный (Аслзаде) хан по имени Саман Йавкуй или

[1] Написание этих имен в арабской графике (**نامثج, ناتيمح, ابج, اتج, ايح, نايثميج, نامثيج, ناجمج, ناميثج, ادخ, اتخ, ناماهم, ناساسة**) позволяет допускать для всех них чтение Джабба (**ابج**) или Джабба-хан (**ناخابج**). Об этом см. также Togan, 1964, p. 61.

Саман-йабгу[2], которого звали также Саман-худат, и он являлся предком всех Саманидов (Рашид ад-дин, 1987; 94; Кононов, 1958; 69; ал-Лари; 234a Togan, 1972: 112). Согласно другому преданию, родиной Саманидов был город Ашнас, расположенный в низовьях реки Сайхун (Сырдарьи), а Саман был его владетелем (‘*амил*) (Mustawfi-i Qazwini, 379; Хувандамир, т. 2: 352; Togan, 1964: 63). Согласно преданию о термезских *сейидах*, Саман-худат, приехал в Термез из Ферганы и первоначально носил имя Аркук или Аркак. (Семенов, 1955: 3 – 4). Аркук (Arquq) или Аркак (Arqaq) является типичным тюркским именем и означает “упрямый человек” (Древнетюркский словарь; 54). Согласно более позднему варианту этого же предания, Саман-худат имел также прозвище Какулдар. В кишлаке Нпмуна недалеко от Термеза сохранился мавзолей типа *хонако* Какулдар (Аршавская, 1982: 86 – 88). Слово *какулдар* на фарси означает “Обладатель косы” (*какул*). Так в средние века называлась прическа, в которой волосы на голове мужчины зачесывались назад, заплетались в косу и ниспадали вниз за спину. В эпоху раннего средневековья такая прическа была характерна, главным образом, для тюрков (Вайнштейн, Крюков, 1966: 179). Еще в XIX в. у калмыков мужчины носили длинные косы, которые назывались *kahkül* или *kökül* (Радлов, т. 1; 1061, 1065: т. 2; 1224).

Медальон Мансура ибн Нуха

В нумизматической коллекции музея Ashmolean в г. Оксфорд (Великобритания) хранится серебряный медальон (диаметр 33 мм, вес 11,04 гр.), выпущенный в 358/968-69 г. в Бухаре саманидом Мансуром I ибн Нухом (правил в 350 - 365/961 - 976 гг.). На его лицевой стороне изображен портрет правителя вправо с двумя пахлевийскими надписями по бокам (Treadwell, 1999: 9 - 10). На оборотной стороне в поле приводится арабская надпись в 6 рядов в форме квадрата, имитирующая квадратное отверстие.

Особый интерес представляет портрет правителя, обнаруживающий сходство не с иранской, а с тюркской традицией портретного искусства (Treadwell, 1999: 10). Антропологический тип его лица представляет собой смесь европеоидных и монголоидных признаков. Нос выпуклый характерный для западных тюрков, в частности для тюрков-огузов Хорасана. В верхней части лица выступающая кость, что характерно для монголоидных кипчаков. Глаз большой удлиненный, миндалевидный с сильно опухшими веками. На голове специфический головной убор, отдаленно напоминающий сложносоставную корону. В правом ухе свисает шаровидная серьга. Сзади из-под короны свисает густая волнистая коса, ниспадающая за спину. Сравнение этого портрета с портретом на медальоне, выпущенном в 351/962 г. в г. Мухаммадия буидским правителем Рукн ад-Давла, свидетельствует

[2] В тексте: يغوابن‌اماسه – Саман-бавги.

о том, что Мансур ибн Нух и его предки относились к другой культуре и, возможно этнической среде, чем Рукн ад-Давла (Treadwell, 2003: 328)[3].

Иконография портрета имеет близкое сходство с портретами тюркских правителей Тохаристана, Кабула и Гадхары VII - VIII вв., которые изображены на выпущенных ими монетах в подражание драхмам Сасанида Хормузда IV (www.zeno.ru)[4]. Среди всех Сасанидских шаханшахов тюрки с особым предпочтением относились к Хормузду IV Туркзаде, который был внуком тюркского кагана по материнской линии и покровителем тюрков в империи Сасанидов.

Но почти полное сходство с ним обнаруживают два памятных медальона, выпущенных тюркскими каганами в первой четверти VII в. в честь победы над Сасанидами и эфталитами. Один из них был выпущен тюркским каганом по имени Джегуй каган (правил в 710-718 гг.)[5] после победы над Сасанидами в 616 - 617 гг., когда его армия вторглась вглубь территории Ирана и дошла до Рея и Исфахана. На лицевой стороне медальона изображен портрет правителя вправо, справа и слева от которого имеются пахлевийские надписи. На обратной стороне медальона изображен алтарь с огнем, а справа и слева от него два жреца, приносящие жертву огню (Göbl, 1987: 276-277, pl.39, fig. 2).

Второй медальон был выпущен около 625 г. в Кундузе Тарду-шадом, сыном верховного тюркского кагана Тун Йабгу по случаю окончательной победы над эфталитами и присоединения их владений к Тюркскому каганату (Harmatta, 1982; 168). Предполагается, что на этом медальоне изображен Тун-йабгу каган. На оборотной стороне медальона Тун-йабгу кагана изображены алтарь и два жреца, а также бог Шива с волосами в виде пламени. (Harmatta, Litvinsky, 1996: 370).

Нам представляется, что лицевые стороны этих двух медальонов послужили прототипом лицевой стороны медальона Мансура ибн Нуха. Сходство портретов выражается почти во всех деталях – такая же густая коса, ниспадающая за спину, такой же костюм. Крылатая корона с рогами быка, месяцем и точкой, так же как и колье из драгоценных камней, имеющаяся на шее Джегуй кагана и Тун Йабгу кагана, переданы в стилизованной форме.

Справа и слева от всех трех портретов почти одинаковые среднеперсидские надписи. Левая надпись читается как *GDH ‘pzwt* – “Победа, увеличение”,

---

[3]Подробнее об этом медальоне см.: Miles, 1964: 283-293.

[4]Особенно близкие аналогии обнаруживают монеты Хинду Шахи-тегина (20999, 21384), монеты Васудевы (12962), монеты йабгу Тохаристана (15170, 21382) и правителей Арахосии (20783, 26690, 22922). См. также: Никитин, 1986: 82 – 88; Göbl, 1967, vol. 1: 25, 26, 140-143, 164, 167-173.

[5]На медалоне его имя передано в форме zyk – Зик или Жик.

а правая – *MLK''n MLK'* – "Царь царей". На медальоне Джегуй кагана упоминается его имя (*zyk*), а на медальоне Тун Йабгу кагана – его титул (*jeb*). На медальоне Мансура ибн Нуха ни имя, ни титул правителя не указаны.

Нет никаких сомнений, что правитель, изображенный на медальоне Мансура ибн Нуха, был тюрком, о чем свидетельствует иконография портрета, а именно, наличие серьги в его ухе и прическа в виде заплетенной косы. Тюрки времен каганата зачесывали волосы назад и заплетали в одну или несколько кос. Характерным украшением древнего тюрка были серьги, которые носили как женщины, так и мужчины. Мужчины носили по одной серьге, тогда как женщины – по две.

Антропологический тип правителя, изображенного на медальоне Мансура ибн Нуха, имеет явно выраженные монголоидные признаки. У него имеется выступающая кость в верхней части лица и миндалевидный глаз с сильно опухшим веком. Его нос является прямым и выпуклым, в чем можно видеть влияние северо-индийской иконографии. Однако, выпуклые носы были также характерны для огузов, которые в отличие от кипчаков имели евроепоидный и смешанный тип.

Глаз Зик-кагана имеет почти круглую форму, тогда как глаз Тун Йабгу кагана имеет сильно удлиненную миндалевидную форму. Правитель, изображенный на медальоне Мансура ибн Нуха имеет большой миндалевидный глаз и сильно опухшее верхнее веко.

На портрете Джегуй кагана четко переданы густые свисающие усы, а на портрете Тун Йабгу кагана и портрете правителя, изображенного на медальоне Мансура ибн Нуха имеются небольшие короткие усы. В древнетюркской среде было принято носить усы.. Многие из древнетюркских каменных изваяний – "балбалов", обнаруженные на территории Монголии и Средней Азии, имеют тонкие свисающие усы.

Портреты всех трех правителей на вышеупомянутых медальонах характеризуются отсутствием бороды, что противоречит иконографии монет Сасанидских царей и эфталитских правителей. Сасанидские шаханшахи носили специфическую бороду и усы, а их волосы были завиты в клубок на макушке головы. Эфталитские правители носили усы, а их волосы были сзади коротко подстрижены.

Корона на голове всех трех правителей также отличается от корон Сасанидских царей и обнаруживает близкое сходство с коронами тюркских Кабул-шахов, тюркских правителей Пенджикента (Harmatta, 1982: 169-170) и Арахосии (Nikitin, 1984: 234).

В свете этих данных, нам представляется, что доисламские предки Саманидов, в том числе и Саман-худат, принадлежали к династии тюркских *йабгу* Тохаристана, основателем которой был Тарду-шад, сын верховного тюркского кагана Тун Йабгу. В свое время А.З. Валиди Тоган высказывал предположение, что предки Саман-худата принадлежали к династии карлукских *джабгу* Тохаристана и были потомками одного из верховных тюркских каганов, управлявшего огузской ветвью тюрков (Togan, 1981: 112). Предком Саманидов мог быть Сир (Се) Йабгу каган, который был одним из трех сыновей Тун Йабгу кагана и наследником престола (Togan, 1964ж 64).

Какой именно правитель изображен на медальоне Мансура ибн Нуха предстоит еще выяснить. Это мог быть верховным правителем, т.е каганом, так как он имел титул "царь царей" или *шаханшах*. Изображение портрета одного из верховных тюркских каганов на медальоне Мансура ибн Нуха указывает на то, что Саманиды почитали его как высшего предка своего рода. Эта родственная связь была при участии Бахрама Чубина, который, согласно источникам, женился на дочери кагана Ил-тегина (Пармуда). Последний, в свою очередь, был дядей Сасанидского шаханшаха Хормузда IV Туркзаде по материнской линии (Bel'ami, vol. 2; 248, 265; Firdousi, vol. 6: 656-657), так как его отец Тарду-каган (Савэ-шах, Шир-и Кишвар) был родным братом дочери Истами-кагана, на которой женился сасанидский шаханшах Хосров I Ануширван.

Исходя из этих данных, можно предполагать, что на саманидском медальоне был изображен портрет именно этого кагана, т.е. Ил-тегина (Пармуда), который был.высшим предком Саманидов по женской линии. Именно этой родственной связью можно объяснить и почитание Хормузда IV тюркскими *йабгу* Тохаристана, которые выпускали монеты в подражание его драхмам.

Однако, такой же титул "царь царей" зафиксирован также на монетах кушанских правителей в форме *shaonanoshao* письмом кхарошти. Следовательно, его могли носить не только верховные тюркские каганы, но и тюркские йабгу Тохаристана., считавшие себя потомками кушанских царей. Это означает, что правитель, изображенный на медальоне Мансура ибн Нуха мог быть и одним из более близких предков Саманидов – Джабба-ханом или Саман-худатом.

На медных монетах тюркских *йабгу* Балха (*ybgu bhlk'n*) изображен правитель с такой же крылатой короной с двумя полумесяцами, в которые вписаны изображение луны и солнца. Слева от него среднеперсидская легенда *GDH 'pzut*, такая же, что на медальоне "Тун-йабгу" и Мансура ибн Нуха, а справа вместо титула *MLK''n MLK'* (*шаханшах*) имя правителя "*p'gwl* и его титул *bg hwt'p* (*баги худат*), т.е. божественный правитель

(Никитин, 1986: 85-86: Gobl, 1967, vol. 1: 182). Из этих данных следует, что предок Саманидов Джабба-хан был не мелким правителем Балха, а именно верховным *йабгу* Тохаристана с резиденцией в Балхе и кроме титула *йабгу* носил также верховный тюркский титул *хан* и иранский титул MLK''n MLK' (*шаханшах*). Его сын Саман-худат относился к числу правителей второго ранга, носивших кроме титула *йабгу* второй титул *худат*.

Выпуск в 358/968-69 г. Мансуром ибн Нухом медальона с изображением портрета одного из предков Саманидов с титулом *шаханшах* мог быть вызван действиями Буидов, которые, приняв титул *шаханшах*, объявили себя потомками Сасанидов. Этот же Мансур ибн Нух чеканил в 359/969-70 г. в Фергане медный фельс с изображением классического буддийского мандала (Арапов, 2002: 12-16). В правление его сына Нуха ибн Мансура (правил в 365-387/976-997 гг.) в 368/978-79 г. в Балхе были чеканены медные фельсы с изображением буддийских символов – шестиконечной звезды (гексаграммы), и пятиконечной звезды (пентаграммы) (**www.zeno.ru: #20649, #20654**).

Эти памятники являются документальными свидетельствами той борьбы, которую вели Саманиды с Буидами в период, начиная с 334/945-46 г., когда последние захватили власть в Багдаде и установили свой контроль над Арабским халифатом[6]. Тем самым Саманиды хотели показать, что их предки, тюркские *йабгу* Тохаристана и верховные тюркские каганы, были не менее знатными, чем предки Буидов, свитавших себя потомками Сасанидов.

* * *

Таким образом, исходя из вышеизложенных данных, можно с достаточным основанием предполагать, что Бахрам Чубин был выходцем из среды древнего знатного тюркского рода, входившего в конфедерацию кочевых скифских племен Средней Азии. Фамильное владение Бахрама Чубина было расположено в области Балха и было основано им во время его пребывания на должности *марзбана* Хорасана с резиденцией в Балхе. Оно продолжало существовать вплоть до самого арабского завоевания и в средние века было известно как селение Чубин или Чубинабад. В конце своей жизни Бахрам Чубин поднял в Балхе восстание против Сасанидов и, потерпев поражение, бежал к тюркам, где он вступил в родственные отношения с первым тюркским йабгу Тохаристана, а затем верховным тюркским каганом Ил-тегином (Пармуды), женившись на его дочери. Последним местожительством Бахрама Чубина был город Куба в Фергане, где имели местопребывание и его потомки от брака с тюркской царевной – предки Саманидов. После завоевания Тохаристана тюрками в 618 г.

[6]В источниках отмечаются столкновения между армиями Саманидов и Буидов в 334/945-46 г., 349/960-61 г., 354/965 г., 356/966-67 г. См.: Ибн ал-Асир, т. 8; 202, 222, 231.

некоторые из них перебрались обратно в Балх и вернули себе свои родовые владения, ранее принадлежавшие Бахраму Чубину.

Отец Саман-худата по имени Джабба-хан в доисламское время был правителем Балха и носил тюркский титул *йабгу* (*джабгу*). До принятия ислама Саман-худат, так же как его предок Джабба-хан и Бармакиды, исповедовал буддизм или манихеизм. Он носил тюркское имя Аркук (Arquq) и буддийско-манихейское имя Саман (Sāmān). По тюркскому обычаю, он заплетал свои волосы в длинную косу, за что был прозван Какулдаром. Так же как и его отец Джабба-хан, он носил титул *йабгу* (*джабгу*), который был династийным титулом тюркских правителей Тохаристана.

Джабба-хан и Саман-худат были потомками Бахрама Чубина в четвертом и пятом поколениях. Документальным источником, свидетельствующим о наличии родственных связей между Саманидами и верховными тюркскими каганами является серебряный медальон Мансура ибн Нуха с изображением одного из его доисламских предков – Ил-тегина, Джабба-хана или Саман-худата.

Следовательно, исходя из имеющихся данных, можно с полным основанием утверждать, что Саман-худат, так же как и его высший предок Бахрам Чубин имел огузско-тюркское происхождение. Если Бахрам Чубин был выходцем из среды иранизированных потомков древних *огузов* Хорасана, то Саман-худат был его потомком от брака с представительницей рода верховных тюркских каганов и имел родственные связи в Фергане. В то же время Саман-худат по материнской линии через посредство Ил-тегина (Пармуда) и Тарду-кагана (Савэ-шах, Шир-и Кишвар) был связан родственными узами с представителями династии Сасанидов – Хосровом I Ануширваном и его сыном Хормуздом IV Туркзаде, вступившими в родство с тюрками.

ЛИТЕРАТУРА

1. ал-Балхи, Абу Бакр ‘Абд Аллах ибн ‘Умар, (1350/1971), **Фаза’ил-и Балх**, изд. ‘Абд ал-Хайй Хабиби, Техран.

2. Бируни, Абу Рейхан, (1963), **Индия**/Перевод с арабского А.Б.Халидова и Ю.Н.Завадовского. Комментарии В.Г.Эрмана и А.Б.Халидова /Избранные произведения. Т. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР.

3. Бируни, Абу Рейхан, (1957), **Памятники минувших поколений** / Перевод с арабского и примечания М.А.Салье /Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР.

4. Гардизи, Абу Са’ид, (1991), **Зайн ал-ахбар**. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана /Перевод с персидского языка А.К.Арендса. Введение, комментарии и указатели Л.М.Епифановой. Ташкент, Фан.

5. Ибн ал-Асир, Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад, (1883 – 1885), **Ал-Камил фи-т-та’рих**. В 12 томах. Миср: Булак.

6. ал-Карши, Джамал, (2005), **Ал-Мулхакат би-с-сурах** /Введение, перевод с арабско-персидского, комментарии, текст, факсимиле Ш.Х.Вохидова, Б.Б.Аминова /История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс.

7. Кононов, А. Н., (1958), **Родословная туркмен**. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.: Наука.

8. ал-Лари, Муслих ад-дин Мухаммад. **Мир’ат ал-адвар**, ркп. библиотеки Университета Стамбула, инв. № F 725.

9. Махмуд ибн Мир Вали, **Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар**, ркп. библиотеки The British Library, фонд India Office, инв. № 575.

10. Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар, (1993), **Бухоро тарихи** / Форс тилидан А.Расулев таржимаси, мухаррир А.Уринбоев. Тошкент: Шарк баёзи.

11. Рашид ад-дин, Фазлаллах, (1946-1952), **Сборник летописей**. В 3-х частях /Перевод с персидского Л.А.Хетагурова, О.И.Смирновой, Ю.П.Верховского и А.К.Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

12. Рашид ад-дин, Фазлаллах, (1987), **Огуз-наме** /Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р.М.Шукюровой. Баку: Элм.

13. Ас-Сам’ани, Абу Са’д ‘Абд ал-Карим ибн Мухаммад, (1981), **Ал-Ансаб** /Изд. ‘Абд ар-Рахмана ибн Йахйа ал-Му’аллими ал-Йамани. В 10 томах. Байрут: Мухаммад Амин Дамадж.

14. Фирдоуси, Абу-л-Касим, (1966-1971), **Шах-наме** /Критический текст. В 9 тт. М.: Наука.

15. Хувандамир, Гийас ад-дин ибн Хумам ад-дин ал-Хусайни, (1333 шамси), **Та’рих хабиб ас-сийар фи ахбар афра ва башар**, джилд 1 – 3, Техран: Интишарат-и китабхана-йи Хаййам.

16. Bel’ami, Abou-’Ali Mohammed, (1867 – 1874), Traduite sur la **version persane de Chronique de Abou-Djafar Mohammed-ben-Djarir-ben-Jazid Tabari**, d’apres les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H.Zotenberg, t. I – IV, Paris.

17. al-Biruni, Abu Rayhan, (1879), **The Chronology of Ancient Nations**, transl. C.E.Sachau, London.

18. Chavannes,E., (1903), **Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux** /Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб.

19. Dencard, (2000), **Le Cinqueme Livre, Transcription, Traduction et Commentaire Par Jaleh Amouzgar et Ahmad Tafazzoli**, Paris (SI, Cahier 23).

20. Firdousi, (1868), **Le livre des Rois**, ed. J. Mohl, vol. I-VI, Paris.

21. Ibn al-Fakih al-Hamadani, (1967), **Compendium libri Kitab al-Boldan**, M. J. de Goeje (**Ed.**), BGA, pars 5, Lugduni-Batavorum: E. J. BrIllustrations

22. [Ibn an-Nadim], (1871-1872), **Kitab al-Fihrist**. Mit anmerkungen hrsg. von G. Flugel /Band I-II. Leipzig.

23. Al-Ja'kubi, Ibn Wadhih qui dicitur, (1883), **Historiae**, pars I-II, M. Th. Houtsma (**Ed.**), Lugduni-Batavorum; E. J. BrIllustrations

24. Macoudi, (1861-1877), **Les prairies d'or**, Text et Traduction C.Barbier de Meynard, t. I-IX, t. 2, Paris: Societe Asiatique.

25. Al-Moqaddasi, Abu 'Abdallah Mohammad ibn Ahmad, (1967), **Descriptio Imperii moslemici**, M. J. de Goeje (ed.), BGA, pars 3. Lugduni-Batavorum.

26. Mustawfi-i Qazwini, Hamdallah, (1910), **The Tarikh-I Guzida or Select History, compiled in A. H. 730 (A.D. 1453)**, E. G. Browne (ed.) with indices of the fac-simile text by R.A. Nicholson, vol. 1, Text ("E.J.W.Gibb Memorial" Series, vol. XIV), Leiden-London: E.J.BrIllustrations.

27. Togan, A. Z., (1972), **Oguz Destani**. **Rešideddin Oguznamesi**, **Terčume ve Tahlili**, Istanbul.

28. Аллаткина, Т., (2004), "Свастика в резном декоре дворца правителей Термеза', **Transoxiana**: **История и культура**. Ташкент: 31 – 35.

29. Арапов, А., (2002), "Буддийские мандалы и символика Саманидов", **San'at** (**Art**, **Искусство**), 4: 12-16.

30. Арапов, А., (2002), "Космограммы ранних исламских мавзолеев Центральной Азии", **Ежегодник Московского отделения Международной Академии архитектуры**. М.: 120-125.

31. Арапов, А., (2004), "Символические "тексты" Афрасиаба", **San'at** (**Art**, **Искусство**), 3-4: 17-20.

32. Аршавская, З. А.-Ртвеладзе, Э. В.-Хакимов, З. А., (1982), **Средневековые памятники Сурхандарьи**. Ташкент.

33. Булатов, М., (1976), **"Мавзолей Саманидов–жемчужина архитектуры Средней Азии"**. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма.

34. Булатов, М. С., (2005), "Храмы Солнца в древней Трансоксиане", **Архитектура и строительство Узбекистана**, 2-3-4: 35-36.

35. Василевич, Г. М., (1965), "Этноним *саман*/*самай* у народов Сибири", **Советская этнография**, 3: 139-145.

36. Гумилев, Л. Н., (1960), "Бахрам Чубин (Опыт Критики Источников)", **Проблемы востоковедения**, 3: 228-241.

37. Гумилев, Л. Н., (1967), **Древние тюрки**. Л.: Наука ЛО.

38. Древнетюркский словарь, (1969), Л.: Наука ЛО.

39. Зуев, Ю. А., (1960), "К этнической истории усуней", **Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана**. Алма-Ата: 5-23.

40. Зуев, Ю. А., (2002), **Ранние тюрки: очерки истории и идеологии**. Алматы: Дайк-Пресс.

41. Колесников А. И., (2005), "Дополнительные источники по истории раннесредневекового Ирана и его восточных соседей", **Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура**. Санкт-Петербург: 112-115.

42. Колесников А. И., (1981), "О термине "марзбан" в Сасанидском Иране", **Палестинский сборник**, 27 (90): 49-56.

43. Культура и искусство древнего Узбекистана, (1991), Каталог выставки, в 2-х книгах. М..

44. Кызласов Л. Р., (2004), "Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия)", **Вестник МГУ**, сер. 8. История, 3: 5-20.

45. Литвинский, Б. А., (1981), "Настенная живопись Калаи-Кафирнигана", **Кавказ и Средняя Азия в древности исредневековье (история, культура)**. М.: Наука: 116-138.

46. Литвинский, Б. А.-Зеймаль Т. И., (1971), **Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура**. М.: Искусство.

47. Мелитинский, Е. М., (1991), "Ворон", **Мифы народов мира**. Энциклопедия в 2-х томах. М., т. 1: 245-247.

48. Негматов, Н. Н., (1977), **Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв.)**. Душанбе: Дониш.

49. Никитин, А. Б., (1986), "Монеты "иранских гуннов" в Собрании Государственного Исторического музея. Новые нумизматические исследования", **Нумизматический сборник**. Часть 9. Нумизматические памятники Исторического музея. М.: 82-88.

50. Пугаченкова, Г. А., (1968), **По древним памятникам Самарканда и Бухары**. Издание второе дополненное, М.: Искусство.

51. Пугаченкова Г. И.-Ремпель Л. И., (1960), **Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана**. Ташкент: Изд-во художественной литературы.

52. Радлов, В. В., (1893, 1899), **Опыт словаря тюркских наречий**. В 4-х томах. СПб.

53. Ризо, Иноят Аллах, (1374/1955), **Ирон ва Туркон дар рузгор-и Сосонийон**, Техран.

54. Семенов, А. А., (1955), "К вопросу о происхождении Саманидов", **Сборник статей, посвященных истории и культуре периода формирования таджикского народа и его государственности (IX – X вв. н.э.)**. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 27. Сталинабад: 3-11.

55. Ставиский, Б. Я., (1977), **Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры**. М.: Наука.

56. Ставиский, Б. Я., (1960), "О международных связях Средней Азии в V-сер. VIII вв. (в свете данных советской археологии)", **Проблемы востоковедения**, 5: 108-118.

57. Топоров, В. Н., (1991), "Мандала", **Мифы народов мира**. В 2-х томах. М., т. 2: 100-102.

58. Bosworth, C. E.-Clauson G., (1965), "Al-Xwārazmi on the peoples of Central Asia", **Journal of the Rojal Asiatic Society**, London: 2-12.

59. Daniel, E. L., (1988), "Samanid dynasty", **Encyclopedia of Asian History**, Prepared underthe auspices of the Asia Society, ed.. by A. T. Embree, I-IV volumes, New York-London: Charles Scribner's Sons – Collier Macmillan Publishers: Vol. 4: 371-372.

60. Flugel, G., (1862), **Mani, sein Lehre und seine Schriften. Ein Beitzag zur Geschichte der Manichaismus**, Leipzig.

61. Frye, R. N., (1993), "The Samanids", **The Cambridge History of Iran**, I-VII volumes, vol. 4. The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. Cambridge: 136-161.

62. Frye, R. N., (1971), **Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi** /Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part III. Pahlavi Inscriptions, vol. 6: seals and coins. Plates XXXI-LIV. London: Lund Humphries.

63. Göbl, R., (1967), **Dokumente zur geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien.** Band 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

64. Göbl, R., (1987), "Medalien des Islamischen Mirrelalters und ihr Formenkreis", **Litterae Numismaticae Vindobonensis**, vol. 3: 265-287.

65. Golden, P. B., (1998), "Religion among the Qipčaqs of Medieval Eurasia", **Central Asiatic Journal**, 42: 180-237.

66. Gunaltay M. S., (1938), "Islam dunyasinin inhitati sebebi Selcuk istilasi midir?" **Turk Tarih Kurumu (**Ankara**), Belleten**, Cilt II, 73-88.

67. Harmatta, J., (1982), "La Nedaille de Jeb šāhānšāh", **Studia Iranica**, t. 11: 167- 180.

68. Harmatta, J.-Litvinsky, B. A., (1996), "Tokharistan and Gandhara under Western Turk rule (650-750), part 1, History of the regions", **History of Civilizations of Central Asia**, Paris, vol. 3: 367-401.

69. Louis, F., (1977-1987), **Encyclopaedia of Asian Civilizations**, I-X volumes, Paris: Jean-Michel Place.

70. Miles, G. C., (1964), "A Portrait of the Buyid Prince Rukn al-Dawlah", **American Numismatic Society Museum Notes**, 11: 283-293.

71. Mitchiner, M., (1977), **The World of Islam, Oriental Coins and their Values**, London: Hawkins Publications.

72. Nikitin, A. B., (1984), "Monnaies dÁrachosie du Haut Moyen-age", **Studia Iranica**, t. 13, fasc. 2: 233-239.

73. Shahbazi, A. Sh., (1989), "Bahram VI Chobin", **Encyclopaedia Iranica**, Ehsan Yarshater (ed.), London-New York, vol. 3: 514-522.

74. Togan, A. Z. Velidi, (1969), "The Topography of Balkh down to the middle of the seventeenth century", **Central Asiatic Journal**, vol. 13: 277-288.

75. Togan, A. Z. Velidi, (1981), **Umumi Türk Tarihine Giriş**. Cilt 1. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar, 3. Baskı, İstanbul.

76. Togan, N., (1964), "Peygamberin Zamanında Şarkı ve Garbi Türkistan'ı Ziyaret Eden Çinli Budist Rahibi Hüen-Çang'ın Bu Ülkelerin Siyasi ve Dinî Hayatına Ait Kayıtları", **İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi**, Ankara, IV/1-2: 21-128.

77. Treadwell, L., (2003), "Shāhānshāh and al-Malik al-Mu'ayyad: The Legitimation of Power in Samānid and Būyid Iran", **Culture and Memory in Medieval Islam**, F. Daftary and J. W. Meri, (eds.), Essays in Honour of Wilferd Madelung, London: 318-337.

78. Treadwell, W. L., (1999), "A Unique Portrait Medallion from Bukhara dated 969 AD", **The Ashmolean**, 36: 9-10.

79. Wolf, F., (1953), **Clossar zu Firdousis Schahname**, Berlin.

WEB

http://www.zeno.ru/orientalcoinsdatabase/westernturks//http.

http://www.zeno.ru/orientalcoinsdatabase/islamicworld/samanids//http.